

Он указал на Лу Мэнбая, потом на себя:

— Мы... только мы вдвоём?

Лу Мэнбай замахал руками:

— Эй, нет-нет! Нас четверо. Ресторан уже заказан. Договорились?

— А, поедим так поедим. Завтра утром наличных сниму. В какой ресторан заказали? — улыбнулся Линь Го.

— Эй, не бери деньги! Завтра всё на мне, твоя задача — радоваться, — Лу Мэнбай похлопал себя по груди.

— Ну, это здорово, — сказал Линь Го. — Си Линь тоже будет?

— А, точно, я про него забыл! — Лу Мэнбай хлопнул себя по лбу. — Сейчас спрошу. Пойдёт — отлично, нет — ну и чёрт с ним. Договорились?

— Угу. Потрудился, Лу-гэ.

Лу Мэнбай махнул рукой:

— Служу народу!

Утром, ещё до звонка будильника, Гу Чанъань уже проснулся.

Сегодня всего одна пара — английский, да и то вторая. Лежать без сна смысла нет, и он решил устроить давно забытую утреннюю пробежку.

Выйдя из общежития, он тут же пожалел. Холодный воздух, врывавшийся за воротник, откровенно смеялся над его наивностью.

Гу Чанъань, чьим жизненным кредо всегда было «не трусь, дави в лоб», продержался десять секунд и благоразумно отказался от пробежки, вернувшись в общагу.

Сюй Чэн уже встал и, уплетая купленный внизу пирожок с начинкой, зубрил слова.

— Ты же четвёртый уровень уже сдал. К словам возвращаешься зачем? — спросил Гу Чанъань.

— На следующий семестр шестой уровень планирую. Раз уж делать нечего, подготовлюсь потихоньку, — Сюй Чэн потряс книжкой со словарём для шестого уровня.

Гу Чанъань кивнул и замолчал.

Делать было нечего, и Гу Чанъань решил последовать примеру Сюй Чэна — стать прилежным и усердным учеником. Развернул учебник... Через две минуты мысли уже витали в облаках, рисуя разные варианты сегодняшнего вечернего диалога с Линь Го.

Неважно, злится ли Линь Го на него или просто не хочет общаться. У Гу Чанъаня кожи хватит. Как бы Линь Го ни отреагировал, он, Гу Чанъань, настырно прилипнет — и всё.

К четырём часам дня Гу Чанъань уже не находил себе места.

Е Цин утешал его:

— Не нервничай. Обычный день рождения, а не то чтобы тебе с ним сегодня «великую гармонию жизни» совершать. Расслабься.

Ху Юй, стоя рядом, добавил:

— Поезд под управлением машиниста Е Цина отправляется: «Ту-тууу!»

Е Цин усмехнулся:

— Ага, с моим-то стажем я и впрямь заслуженный машинист.

Он закинул ноги на стол, поиграл в телефон, потом вдруг поднялся:

— Эй, знаете, почему я вечно на койке торчу?

Ху Юй ответил:

— Потому что ленивый.

— Врёшь! Просто стул слишком жёсткий — чуть ли не пятую точку стёр. Неудобно! — возмутился Е Цин. — Я хотел у сестры удобный стул выпросить, а она говорит: «Через несколько месяцев всё равно съезжаешь, не транжирь».

Он шлёпнул по столу:

— Представляете? Деньги-то у неё есть! И такая жадина!

Ху Юй спросил:

— А у тебя разве нет? Сам не купишь?

Тут Е Цин принял позу «Сицзы, прижимающая к груди сердце»*:

— Эх, не знаете вы... Перед отъездом в институт батя карточку у меня изъял, сказал, чтобы сестра финансами рулила. Разве не видели, как я каждый месяц униженно у неё денег вымаливаю? Не будь этого — о боже! — жил бы я в такой нищете?

(*Прим.: отсылка к известной китайской легенде о красавице Сицзы, которая из-за боли в сердце часто прижимала руку к груди. Здесь — шутливая драматизация.)

Ху Юй припомнил, как Е Цин жил последние месяцы, и покачал головой:

— При твоей-то «нищете»... да, моё воображение действительно бедно.

Гу Чанъань сыграл две партии в «Дурака» с джокерами и в одно мгновение скатился с миллионера до лысого старикана*.

(*Прим.: в некоторых версиях игры проигравший изображается «стариканом» или «нищим».)

— Хватит. Карты отвратные, — Гу Чанъань закрыл игру.

— Да не ищи оправданий! Это ты отвратительно играешь! — сказал Ху Юй.

Гу Чанъань парировал:

— Чушь! Я же бог азарта!

— Брось! В прошлый раз ты говорил, что плохо сдал четвёртый уровень не из-за английского, а потому что в голове песня заела, — не отставал Ху Юй.

— Ну так и было! Это не проблема мастерства, а проблема состояния!

— Ладно, пора двигаться, — скомандовал Е Цин. — Артист отдаёт приказ ангелам с верхнего этажа: через десять минут выдвигаемся! — Он ткнул пальцем в сторону Сюй Чэна. — На секунду глаз отвел — а где наш толстячок?

Гу Чанъань ответил:

— Внизу, воду купил.

Как раз в этот момент Сюй Чэн вошёл, таща упаковку минералки. Е Цин хлопнул в ладоши:

— То, что надо! Пошли ужинать!

Сюй Чэн поставил воду на пол, накинул куртку:

— Щас, пошли.

Е Цин принял звонок и жестом велел всем выходить:

— Да, мастер, проезжайте светофор, потом прямо, ещё одни ворота... Да, именно. Хорошо, мастер, мы уже выходим.

В ресторане сычуаньской кухни всё было, как Гу Чанъань и предполагал. Линь Го лишь поднял на него глаза, потом взглянул на Лу Мэнбая, и на том всё общение закончилось.

Линь Го уселся между Си Линем и Лу Чэнем — ясно давая понять, что разговаривать с Гу Чанъанем не намерен.

Гу Чанъань не стал спешить менять место. Поздоровался с Линь Го и вышел распорядиться насчёт подачи блюд.

Лу Мэнбай принёс с нижнего этажа замороженный торт-мороженое, который Е Цин заранее попросил поставить в холодильник.

Линь Го, хоть и бурчал, что мужикам вся эта мишура ни к чему, всё же по всем правилам загадал желание, задул свечи и разрезал торт.

Хоть Линь Го и не сидел рядом с Гу Чанъанем и даже не напротив, тот всё равно украдкой за ним наблюдал. Видя, что Линь Го уже который час не выпускает палочки из рук, он понял — еда пришлась по вкусу.

Когда блюда были почти съедены, а несколько бутылок опустошено, момент настал. Гу Чанъань поменялся местами с Лу Чэнем.

Линь Го, увидев, что Гу Чанъань подсел, молча подвинулся поближе к Си Линю.

— Го Го, — сказал Гу Чанъань, — еда понравилась?

— Вполне, — ответил Линь Го, не отрываясь от тарелки.

— С днём рождения, — сказал Гу Чанъань.

— Спасибо, — ответил Линь Го.

Гу Чанъань больше не стал настаивать и повернулся болтать с Лу Мэнбаем.

Си Линь разговаривал с Е Цином. Линь Го с Си Линем не слишком близок, вклиниваться в их беседу не хотелось. Он молча пил, дуясь про себя: «Гу Чанъань, ты что, с ума сошёл? Пересел, а теперь игнорируешь?»

Через некоторое время Ху Юй подмигнул Гу Чанъаню. Тот оглянулся. Линь Го за это время успел прикончить ещё три с половиной бутылки. Лицо его порозовело, черты смягчились, глаза стали влажными и блестящими. Он уже не походил на взъерошенного котёнка, а скорее на послушного кролика — с виду очень смиренного.

Гу Чанъань знал, что Линь Го алкоголь переносит неважно, но точный его предел был неизвестен. На выпускном в школе Линь Го выпил лишь по бокалу за каждого учителя, всё остальное — наотрез отказался.

Судя по всему, если ещё и не допился, то был уже на грани.

Гу Чанъань осторожно окликнул его:

— Го Го?

Линь Го обернулся и улыбнулся:

— А?

— День рождения тебе весёлый? — спросил Гу Чанъань.

Линь Го расплылся в улыбке:

— Весёлый, — затем, взглянув на Гу Чанъаня, надул губы и жалобно добавил:

— И невесёлый.

— А почему невесёлый? Потому что подарка не было? — тихо спросил Гу Чанъань.

Лу Мэнбай, сидевший рядом, тихо съязвил Ху Юю: «Слушай, как он с ним сюсюкает, прямо как с малышом. Мурашки по коже».

Гу Чанъань дал ему сзади шлепка и велел не подслушивать и идти играть в сторонке.

— Почему... — недовольно посмотрел на него Линь Го, — ты сам не знаешь?

— Хочу, чтобы ты сказал, — ответил Гу Чанъань.

— Ты, обманщик... Всё время не разговаривал со мной... Я тебя в чёрный список добавил, а ты

даже не пришёл... — Линь Го налил себе ещё.

Гу Чанъань перехватил бутылку:

— Го Го, больше нельзя.

— Я же не пьян... Отдай... — Линь Го потянулся, чтобы отобрать.

<http://bllate.org/book/16270/1464244>